

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Последний
путь
под венец

Елена и Ирка

Елена Логунова

Последний путь под венец

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

Последний путь под венец / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-699-54926-9

Тележурналистка Елена легла в клинику красоты, но спокойно заняться своей внешностью ей не дали – какой-то странный толстяк в спортивном костюме внезапно заинтересовался содержимым Лениного кошелька, причем нужны ему были исключительно... мелкие монеты! Ночью толстяк попытался проникнуть в ее палату, но в темноте позорно напоролся на вилку и сам загремел на больничную койку. А когда Лена уже вернулась домой, к ней явился некто в черном и выстрелил в ее подругу Ирку из травматического пистолета. Только Ирку резиновыми пулями не возьмешь, и уж теперь-то боевые дамочки на уши встанут, но выяснят, что все это значит!

ISBN 978-5-699-54926-9

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Елена Логунова

Последний путь под венец

– Ну-ну, не волнуйтесь! – сказал мне доктор и улыбнулся так тепло, проникновенно и искренне, что я немедленно заволновалась.

Несмотря на вполне заслуженную репутацию светила пластической хирургии, доктор Синельников был вызывающе молод и возмутительно хорош собой.

«А при его работе иначе и нельзя! Знаешь такое выражение – «торговать лицом»? Это как раз про нашего дорогого Виктора Васильевича!» – внутренний голос умирал мое болезненное волнение здоровым цинизмом.

– Все будет хорошо! Вот тут станет ровно, тут гладко, а тут я все соберу, отрежу и подошью!

Доктор длинными чуткими пальцами изобразил пару сложных завитушек у моего лица, а затем тактично притушил сияние ослепительной улыбки.

– Но должен вас предупредить, что природную асимметрию вашего лица я, разумеется, не исправлю.

– Природную асимметрию? – встревоженно повторила я, покосившись на тонированную дверцу аптечного шкафчика.

В золотисто-коричневом стекле отразилась немного испуганная, но вполне симпатичная физиономия без ярко выраженных дефектов, если не считать таковыми глубокие и темные круги под глазами. Но как раз их Виктор Васильевич обещал бесследно разогнать магическими пассажами со скальпелем.

– Конечно!

Доктор снова ласково улыбнулся.

– Она есть у всех. Вот у вас, например, один глаз чуть крупнее другого, он более выпуклый, его внешний уголок расположен немного выше, да и правая бровь заметно приподнята, тогда как левая скула...

– Достаточно!

Я поспешила остановить инвентаризацию непоправимых дефектов моего лица прежде, чем неосторожные слова излишне зоркого и честного доктора приведут меня к пораженческой мысли, что в данном случае имеет смысл использовать уже не скальпель, а гильотину.

– Бог с ней, с моей природной асимметрией...

«Ах, так, значит, у тебя есть природная асимметрия?! – заинтересованным эхом повторил мой внутренний голос. – Ну, теперь хотя бы понятно, почему тебе всегда так трудно подобрать новые туфли: если левая в пору, то правая обязательно жмет! Все, впредь никаких претензий к производителям обуви, это не у них локтевые суставы совмещены с тазобедренными, это все твоя собственная природная асимметрия!»

Я намертво задавила желание учинить запоздалые разборки и выяснить, к кому же я все-таки могу быть в претензии по поводу своей асимметрии. В воображении, однако, промелькнул пугающий образ дородной акушерки, с размаху прикладывающей новорожденное дитя к тугой материнской груди.

Повзрослевшее дитяtko в моем лице сурово насупилось и твердо сказала:

– Все. Хватит. Я уже готова!

– Насколько готовы? – Виктор Васильевич испытующе прищурился.

– На все сто! – заверила я и придвинула к нему полностью оплаченный счет из кассы клиники.

Я уже настроилась на превращение из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

– Тогда порисуем?

Доктор с готовностью выдернул из нагрудного кармана халата синий маркер. Я закрыла глаза и подставила физиономию.

Перед пластической операцией пациентов всегда разрисовывают, как индейцев, вступающих на тропу войны. Хирурги утверждают, что подобие татуировки необходимо им в качестве трафарета, однако я подозреваю, что это не вся правда. По-моему, операционной бригаде так намного веселее работать!

Я и сама не удержалась от нервного смеха, увидев свое лицо после того, как Виктор Васильевич вдохновенно расписал его маркером.

Художество знаменитого доктора по стилю соответствовало бессмертному детскому шедевру «Точка, точка, запятая – вышла рожица кривая», но по сложности превосходило его в разы. Это в самом скором будущем однозначно обещало моей рожице кривизну головокружительных «Американских горок».

Я уже имела некоторое представление о том, какой эффектной будет моя внешность непосредственно после операции.

В двухместном номере стационара, куда меня поселили сегодня утром, моей соседкой оказалась еще одна пациентка Виктора Васильевича. Это была пятидесятилетняя дама по имени не то Аделина, не то Аделаида – я не запомнила полную версию.

Аде блефаропластику сделали накануне нашей встречи – вчера. Не знаю, как она выглядела до того, наверное, вполне по-человечески и даже по-европейски: белокожая, с золотыми локонами. Теперь же Ада поразительно походила на противоестественный гибрид типичного представителя монголоидной расы с бамбуковым медведем-пандой. Лицо у нее было желтое, площадь его заметно расширилась, а в тех местах, где у людей бывают глаза, у моей соседки имелись заплывшие щелочки, окруженные большими багрово-черными синяками.

Естественно, жизнеспособность у гибридной монголоидной панды была так себе: об остроте ума и зрения после блефаропластики не приходилось ни говорить, ни думать.

Едва войдя в нашу общую палату и увидев лицо соседки, я не сдержалась и воскликнула: – Ой, мамочка!

На что почти слепая и еще одурманенная остаточным наркозом Ада с материнской нежностью отозвалась:

– Котенок, детка, доброе утро!

Пришлось объяснять бедной женщине, что я не котенок, не ее детка, и что нынешнее утро добрым называется сугубо для проформы, так как мне тоже вот-вот предстоит принять пассивное участие в курсах пластической кройки и шитья маэстро Синельникова.

После этого Ада всякую материнскую нежность утратила и в пугающих подробностях пересказала свои ощущения до операции и после нее. Саму двухчасовую процедуру она крепко проспала, за что сердечно благодарила анестезиолога Антона Ивановича.

Лично у меня к этому уважаемому специалисту на данный момент имелась только претензия: вчера он строго-настрого запретил мне есть и пить перед операцией, которая была назначена на утро. Однако день уже перевалил на вторую половину, к операционному столу меня все не звали, а к обеденному я так и не сходила. Теперь мой желудок укоризненно бурчал, а стремительно расшатывающаяся нервная система болезненно ныла, вымогая стабилизирующую шоколадку.

Немного подумав, я изобрела компромисс: спуститься в буфет для посетителей клиники и взять там одну-единственную чашечку чая. Не в нарушение строгого запрета анестезиолога, а сугубо для того, чтобы запить две таблетки, выданные мне час назад процедурной медсестрой!

Что это за неведомое снадобье, сестрица не объяснила, заявила только:

– Надо выпить.

– Ну, надо, так надо! – сказала я теперь сама себе, опуская крошечный бумажный фунтик с таблетками в левый карман пиджака.

В правом кармане весело брэнчала мелочь. Я подумала, что на пустой чай мне ее вполне хватит, и не стала брать с собой кошелек. Переодеваться тоже не стала, только надела большие темные очки, чтобы не пробуждать в посторонних людях избыточное чувство прекрасного своим изумительным расписным лицом. Бледная курносая физиономия, разрисованная синими узорами, отчетливо напоминала прелестный гжельский чайничек.

Я предупредила соседку, что отлучусь на пять-десять минут, на случай экстренной связи взяла с собой мобильник и пошла в буфет.

По широкому и светлому коридору стационара народ гулял, как по бульвару: присутствовали и девушки, и дедушки, и добрые молодцы, и малые дети. Почти все либо в очках, либо с повязками на глазах: клинику я выбрала солидную, офтальмологическую, лучшую в регионе. Ее смело можно было назвать опорным пунктом многотысячной армии очкариков всего юга России.

Причем я обратила внимание, что офицеры этой условной армии – медики-специалисты – тоже практически все носят очки! Мне даже подумалось, что это компрометирует заведение, всячески пропагандирующее и развивающее направление оперативной коррекции зрения. То ли врачи знают и скрывают от пациентов какие-то страшные тайны о последствиях операций, то ли им тут банально так мало платят, на лазерную коррекцию не хватает? Цены на услуги в элитной офтальмологии круглятся нулями в таком количестве – куда там очкам!

В лифте со мной ехали бойкий седой старикан – клон Кутузова, хмурая девочка-циклоп и медлительная бабушка в окулярах с такими линзами, словно их специально для нее свинтили со знаменитого телескопа Хаббл. Беззвучно шевеля губами, бабуля всю дорогу с шестого этажа на первый внимательно изучала бумажное объявление на стене кабины: «Никому не прыгать!»

– И ножками не дрыгать! – радостно срифмовал двойник Кутузова и дернул икроножной мышцей, как Наполеон.

Я посмотрела на одноглазую девочку и поняла, что у нее тоже возникло сильное желание дрыгнуть и прыгнуть, до ознакомления с запретительным объявлением отсутствовавшее напрочь.

Лифт остановился на первом этаже. Двери зашипели, собираясь с силами, чтобы открыться.

– А куда не прыгать? – дочитав объявление, спросила пытливая старушка.

Я представила, как она с места без разбега сигает в беломраморный холл.

– А никуда! – развеяв мою нездоровую фантазию, легко постановил дед.

– И никогда, – тихо буркнула хмурая девочка.

Кажется, именно в этот момент меня впервые посетило ощущение, будто я стала героиней фантазмагорического фильма.

Двери открылись, я вышла из лифта, на ходу оглянулась и увидела, что мои спутники неподвижно стоят в кабине и молча смотрят мне вслед – во все глаза, общим числом четыре штуки на троих.

«Полный сюрреализм!» – пробормотал мой внутренний голос.

– Яду мне, яду! – вздохнула я и с некоторым сомнением посмотрела на вывеску буфета.

Нарисованная на ней чайная чашка – пузатая, красная в белый горох, очень похожая на детский ночной горшок, была до краев наполнена жидкостью, цвет которой не представлялось возможным разобрать за могучими клубами испарений.

– Надеюсь, это не серная кислота, – опасливо подумала я вслух.

– Нет, нет, что вы! На воздухе дымится соляная кислота, а вовсе не серная! – без тени юмора поправил меня скучный голос.

Я обернулась и увидела мужчину в яркой форме российского олимпийца. По всему было видно, что это не спортсмен, а пижон с плохим вкусом, хорошим достатком и телосложением, которое я бы назвала не атлетическим, а котлетическим – с избыточным жиром по всему орга-

низму. Лица его я не разглядела, потому что его нижнюю часть закрывал высокий воротник застегнутой спортивной куртки, а верхнюю – большие очки.

И вообще, я была не в том настроении, чтобы заглядываться на мужиков! Даже если бы за моей спиной возбужденно сопела целая сборная широкоплечих и мускулистых ватерполистов, одетых в одни только плавки с олимпийской символикой – я бы и тогда не загляделась!

– Вы будете заходить? Или пропустите меня!

Толстяк нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Я осознала, что застопорилась в дверном проеме и поспешила пройти к буфетной стойке. Еще чего – пропускать его вперед! Подождет немного, обжора! Небось не похудеет в ожидании! Тем более что заказ у меня скромный, долго ждать не придется.

– Зеленый чай без сахара, – сама кривясь от понимания того, сколь скучно это звучит, сказала я буфетчице и без счета высыпала на тарелочку для денег кучку мелочи.

– Это еще что такое?! – Женщина выудила и покрутила в пальцах ребристую монету.

– Ой, простите!

Я торопливо сгребла свою звонкую медь и не менее звонкое серебро обратно.

– Это просто не наши деньги... Сейчас, одну минуточку...

В горсти смешались разноцветные и разновеликие британские монеты. Вчера я гуляла по Лондону, наслаждаясь видами, покупая сувениры и сыпая мелкую сдачу в карман этого самого пиджака!

Недельные каникулы в столице Великобритании я устроила себе специально с целью отвлечься от неприятных и тревожных размышлений о предстоящей операции. И отвлечься, и развлечься удалось вполне. Вот, аж память отшибло: совсем забыла, что на родине в ходу не фунты, а рубли!

– А это что? – повторила буфетчица, продолжая рассматривать металлический многоугольник.

– А это у вас британская монета образца две тысячи восьмого года – пятьдесят пенсов, на реверсе изображен фрагмент королевского щита! – неожиданно вмешался толстяк в «олимпийке».

Я удивленно покосилась на него и снова озабоченно зазвенела чужими деньгами, надеясь отыскать среди них подходящее платежное средство. Чаю мне хотелось гораздо больше, чем условно полезных знаний, так что болтовню добровольного лектора я слушала краем уха.

А он так разговорился, что едва ли не загипнотизировал пылкой речью буфетчицу:

– Общеизвестно, что денежной единицей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии является фунт стерлингов, который состоит из ста пенсов. В наличном обращении находятся монеты номиналом один, два, пять, десять, пятьдесят пенсов и один, два фунта...

– По-моему, их слишком много, – пробормотала я, присматриваясь к разнообразным металлическим кружочкам.

– Что интересно, в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году в Великобритании были выпущены первые монеты десятичной системы – пять и десять пенсов, которые были эквивалентны и распространены наряду с ходившими тогда монетами один и два шиллинга.

Толстяк вдохновенно вещал, позволяя мне выиграть время.

– В семьдесят первом году переход на десятичную монетную систему был завершен, затем еще трижды вводились новые монеты, а в две тысячи восьмом был радикально изменен их дизайн. Вот вы, девушка, держите в руках как раз такую новую монетку. Впрочем, они имеют хождение наряду со старыми...

– Есть! – радостно воскликнула я.

Мой возглас поставил победную точку в спонтанной лекции.

– Есть десять рублей! Наши, родные, имеющие хождение! Хватит их на чашку чая без сахара?

– Я даже дам вам сдачу.

Буфетчица вернула мне неликвидный пятидесятипенсовик, потом пошарила в ящичке кассы и бросила в пластмассовую тарелочку серебристый пятак.

Монета колесиком прокатилась по кругу и горделиво легла в самом центре тарелочки.

– Вот это совсем другое дело! – похвалила я, полюбовавшись соплеменной денежкой. – Сразу видно – пятак! А то с этим великобританским разнообразием запросто можно нажать неоперабельную близорукость, разглядывая, что за монета.

Я одной рукой взяла чашку, другой – выданную сдачу и осторожно, чтобы не расплескать горячий напиток, засемила к ближайшему столику.

– Мне то же самое, – быстро сказал толстяк.

Я удивленно приподняла брови: вот уж не подумала бы, что господин с наружностью чемпиона мира по гастрономическому многоборью ограничится чашечкой несладкого зеленого чая! Впрочем, мало ли – может, ему тоже предстоит операция и ничего кушать нельзя?

Я проглотила таблетки, запила их пустым чаем и с сожалением посмотрела на витрину со сладкими булочками.

– Можно, я к вам? – толстяк со своей чашкой плавно подплыл к моему столику.

Я огляделась: в буфете было пусто. Почему бы этому милому человеку не присесть за свободный столик?

«Наверное, он действительно твой брат по несчастью, – отчего-то растрогался мой внутренний голос. – Должно быть, ему тоже предстоит вскоре серьезное испытание, поэтому он нервничает и нуждается в общении!»

– Да, конечно, – без энтузиазма произнесла я вслух.

И тут зазвонил мой мобильник: еще кто-то ощутил неотложную потребность в общении со мной.

– Елена, где вы?! – по голосу я узнала ассистента доктора Синельникова – Максима. – Пора!

– Пора?! Что? Куда? Уже? – я заволновалась, дернулась и толкнула столик.

Протестующе задрезжала посуда. Чай, к которому толстяк еще не успел прикоснуться, выплеснулся на блюдце – я даже не извинилась, мне уже было не до вежливости, я спешила.

Десять метров по прямой из буфета до лифта, подъем на шестой этаж, галопом в палату, там переодеться в спортивный костюм (в операционной будет холодно, предупреждал меня доктор) и – бегом в оперблок!

На каком-то из этапов забега мне снова повстречался запоминающийся толстяк в олимпийской форме, но я ему даже не улыбнулась, потому что уже воспринимала всю окружающую действительность сугубо как декорацию.

Потом меня облачили в одноразовый костюм для торжественного выхода в операционную, уложили на разделочный... тьфу, операционный стол, подключили к капельнице и...

Дальше я ничего не помню.

Петя Шукин по прозвищу Петруччо беспокойно ерзал на подоконнике лестничной площадки между четвертым и пятым этажами. Поближе подобраться к квартире дяди Игоря, которого не оказалось дома, никак не получалось. Вредная бабка из двадцатой квартиры, похоже, приклеивалась к дверному глазку сразу же после утреннего пробуждения и не покидала свой наблюдательный пункт до самой ночи.

Старуха страдала бессонницей и сенсорной депривацией, каковой красивый диагноз в переводе с научного на простой русский означал, что неугомонная бабка мучительно мается скукой. При этом доброжелательности и общительности в старой ведьме не было ни грамма,

иначе что ей мешало развлечь себя, например, чаепитием и неторопливой чинной беседой все с тем же Петруччо? Он всегда проявлял уважение и внимание к бабушкам и их вкусным пирогам.

Петруччо сглотнул слюнки. Из двадцатой квартиры тянуло запахом свежей выпечки, а он торчал на лестнице уже третий час и сильно проголодался. Дядя Игорь, должно быть, забыл о назначенной встрече, и это было странно. Встречаться в обеденное время в последний день уходящего месяца – это была традиция длиной почти в год!

Петруччо задумчиво побренчал мелочью в кармане – дурная привычка, за которую дядя его не раз упрекал, и совершенно справедливо: даже редкие монеты, если они в плохом состоянии, стоят недорого. Впрочем, все мало-мальски ценное Петруччо заботливо перекладывал в специальный монетоприемник, старомодную такую вещицу с отверстиями разного диаметра. Отсеки были подписаны: «1 коп», «5 коп», «10 коп»... Увесистый, как кастет, монетоприемник был модной штучкой еще в советские времена, что, впрочем, вполне соответствовало целям и задачам Петруччо.

«Промывать породу», то есть перебирать самую обычную, имеющую хождение денежную мелочь, его приучил дядя Игорь – известный в городе коллекционер-нумизмат. Петруччо с детства засматривался на дядины раритеты, но сам по причине хронического безденежья нормально собирать монеты не мог. А вот перебирать мелочь – это запросто!

– В современной «ходячке» полно монет, которые стоят намного дороже номинала. Взять, к примеру, хотя бы так называемые «разновидности», – просветил его как-то дядя Игорь. – Заурядные, на первый взгляд, монеты, а на самом деле – необычные и этим ценные: где-то листик окантован, где-то плащик у Георгия Победоносца с поперечными складочками, где-то буквы под копытом у коня повернуты по-другому. Таких монет целая куча! Вот только для того, чтобы распознать золотник, нужно иметь немалый опыт. А еще – время, терпение и зрение.

У самого дяди Игоря орлиной зоркости уже не было и в помине, былая цепкость из взгляда ушла – вероятно, переместилась в руки, обеспечив непревзойденную деловую хватку. Зато Петруччо как начинающий коллекционер оказался вполне профпригоден.

Кроме терпения и острых глаз, у него имелись упорство, живой интерес и немало свободного времени. При этом свободным капиталом для старта бедный студент не располагал, так что начинать ему пришлось с пяти сотен рублей, которые он по совету мудрого дяди постоянно разменивал на мелочь и обратно.

Вдобавок ко всему, Петруччо оказался удачлив. Уже на третий день добросовестной, до рези в глазах, «промывки породы» ему повезло обнаружить свою первую редкую монету – 1 рубль 1997 года с широким кантом. За нее приятно удивленный дядя Игорь дал ему пять тысяч рублей (позднее Петруччо узнал, что мог запросить и больше), и в этот самый момент смысленный парень понял, что обрел не занятное хобби, а недурно оплачиваемую работу. Веер из тысячных купюр моментально развеял наивные детские мечты о собственной коллекции! Теперь Петруччо хотел просто денег.

Он начал сердиться на дядю за то, что тот опаздывает к назначенному времени. Сегодня Петруччо было, что предложить нумизмату: 1 рубль 1998 года, выпущенный Московским монетным двором (ориентировочная цена – восемь тысяч обыкновенных рублей), и 2 рубля 2001 года без клейма монетного двора (в среднем шесть тысяч рэ). Весьма неплохой улов!

В этом месяце Петруччо, как обычно, не поленился пройтись с визитами по друзьям-знакомым, в семьях которых были дети-именинники. Результаты тщательного изучения содержимого детских копилочек, как правило, с лихвой окупали стоимость небольших подарков их маленьким владельцам.

Столь же эффективно бывало общение предприимчивого Петруччо с трамвайными и троллейбусными кондукторами. К концу смены усталые тетki, сгибающиеся под тяжестью

сумок с разнокалиберными монетами, с великой радостью принимали предложение обменять пару кило мелочи на невесомые купюры, за что сердечно благодарили доброго юношу.

Сегодня добычливый Петруччо твердо рассчитывал на дядину похвалу и на его же деньги – минимум, четырнадцать тысяч «деревянных». На ожидаемый гонорар у него уже были определенные виды, так что уходить восвояси не солоно хлебавши племянник непунктуального нумизмата не собирался.

Не обращая внимания на шорохи и стуки за дверью двадцатой квартиры, где все стояла свою бессрочную вахту вредная бабка (а пироги у нее уже подгорали!), Петруччо полировал мягкой бархатной тряпочкой мелкие медные монеты. Это были ничем не примечательные «десюнчики» и «пятидесюнчики», которым достаточно давний год выпуска – до одна тысяча девятьсот девяносто пятого – сообщал определенную нумизматическую ценность: в хорошем состоянии такие монетки стоили от двух до пяти рублей, то есть в несколько раз дороже номинала. Обычно Петруччо сдавал их дяде оптом, недорого, но все же с выгодой для себя. Буквально: мелочь, а приятно!

Дядя появился, когда трудолюбивый Петруччо до блеска натер шестую по счету монетку.

Солидный человек, серьезный коллекционер и – главное – человек весьма тучного телосложения, Игорь Николаевич Костин поднимался по ступенькам с такой скоростью, как будто серьезно готовился к международным соревнованиям по скоростному забегу на Эйфелеву башню. Впечатление усиливал «олимпийский» спортивный костюм, своим великолепием, вероятно, призванный скрасить неважную общую физическую форму спортсмена.

– А «Динамо» бежит? – машинально пошутил Петруччо, вспомнив другого толстяка-бегуна – актера Леонова в фильме «Джентльмены удачи».

– Удачный день, Петюша! Уффф, какой удачный день! – в тон ему возбужденно отозвался Игорь Владимирович, с паровозным пытением преодолевая последний лестничный марш.

За дверью двадцатой квартиры устрашающе забрэнчало железо замков, засовов и ухватов. Дядя Игорь громко сказал:

– Марьванна, это я, все нормально, отбой воздушной тревоги! – и с удивительной ловкостью последовательно открыл все четыре замка на своей двери.

Мудрый Игорь Владимирович максимально обезопасил свое жилище от несанкционированного доступа, снабдив стальную дверь самыми современными запорными механизмами, а все окна – металлическими жалюзи.

Петруччо вслед за дядей вошел в прихожую и посторонился, ожидая, что Игорь Владимирович, как обычно, тщательно закроет дверь на все имеющиеся замки. Однако на этот раз дядя проявил совершенно не типичную для него небрежность. Задвинув в паз один-единственный засов, он заторопился в свой рабочий кабинет – и даже кроссовки не снял!

Удивленный и заинтригованный Петруччо сбросил туфли и пошел вслед за дядей.

Таким возбужденным и мало вменяемым он видел солидного нумизмата только дважды.

В первый раз – лет пять назад, когда Игоря Владимировича без предупреждения оставила жена, не столько в качестве своей доли супружеского имущества, сколько из чистой вредности забравшая с собой самую любимую дядину золотую монету древнегреческого Пантикапея с грифоном и колосом.

А второй раз дядя Игорь потерял обычно присущее ему хладнокровие в прошлом году, когда ему лично пришлось принимать роды у любимого абрикосового перса Филимона. До того момента нумизмат и не подозревал, что он хозяин кошки, а не кота. Роскошное золотое руно на редкость мохнатой зверюги прекрасно маскировало и половые признаки, и даже беременность.

Но на сей раз животное, давно уже переименованное из Филимона в Филомену, было вовсе не при чем.

– Брысь! – Игорь Владимирович бестрепетно прогнал любимицу со своего рабочего стола, на котором кошка спала в сомнительной компании компьютерной мыши.

Петруччо с искренним интересом смотрел, как дядя открывает свой компьютерный каталог и торопливо прокручивает аккуратно заполненную, снабженную качественными картинками бесконечную таблицу.

– Неужели все-таки он?! – дядя Игорь нашел нужную строку и укрупнил изображение не примечательной с виду монеты. – Он! Да, точно, он!

– Да ладно?

Петруччо не поверил, хотя и знал, что зрительная память у дяди абсолютная.

Он еще не мог считать себя большим специалистом по редким монетам, но эту обманчиво скромную денежку тоже знал буквально в лицо – по картинкам, конечно. Встретить эту монету в обращении было не легче, чем динозавра в булочной, – во всяком случае, именно так говорил сам дядя Игорь.

– Пять рублей одна тысяча девятьсот девяносто девятого года Санкт-Петербургского монетного двора! – благоговейно произнес Игорь Владимирович. – В моем прайсе ее цена пять тысяч долларов, но это ничего не значит, цена условная, я мог написать все десять тысяч, и это ничего бы не изменило.

– Потому что этой монеты просто нет, – понятиливо кивнул Петруччо. – Нет ее – и все тут!

– А вот и не все! – Дядя с заметным трудом оторвал взгляд от изображения на мониторе и обернулся к племяннику.

Глаза его сияли, как пара отменно надраенных «десюнчиков».

– Ты удивисься, но есть такая монета, Петюша! – дрогнувшим голосом сказал взволнованный нумизмат. – Она все-таки существует!

– Пять тысяч долларов, – задумчиво повторил Петруччо, с прищуром посмотрев на картинку. – Или даже десять?

– Я должен, должен, должен ее получить! – безапелляционно заявил нумизмат.

Горячо любящий дядю и деньги племянник не стал ему возражать.

Не было в ее жизни женского счастья, не было вовсе, вот хоть ты тресни! Наверное, поэтому она и потрескалась – не обожженная любовью и страстью кривобокая фигурка из глины, может, точно такой же, из которой когда-то был слеплен Адам, да что толку? Пошла морщинами, разохлась, заскрипела – даже голос стал таким, что впору спутать: она это говорит, или не смазанные дверные петли визжат?

– Про петли-то не забудь!

Морщинистый палец настойчиво потыкался в пустую графу журнала.

Аленушка очнулась от своих мыслей.

– Запиши на завтра плотника вызвать, пусть сделает хоть что-нибудь, дармоед, а то только и знает, как у девок в процедурном спирт выклянчивать, а в седьмой двухместной двери шкафа скрипят, как трубы Страшного Суда! Нынче дамочка курточку с вешалки снимала – такой был скрежет, что в оперблоке пациенты под наркозом просыпались! Эй, о чем замечталась-то? Не спи на работе!

Медсестрица Аленушка поспешно выдернула из-под подбородка кулачок с зажатым в нем карандашиком и зачеркала в журнале, записывая замечания и пожелания закончившей дневную смену дежурной. Все равно ведь не отцепится, гримза старая, пока все ее ЦУ не зафиксируешь! Понятно, почему у нее женского счастья нет и не было никогда: какой мужик захочет жить с зубастой пилой?! Не зря ее пациенты за глаза называют не по имени-отчеству, а только кличкой: Крыса Лариса!

– Так, плотника вызвать записала? Еще пиши: Евлагин из восьмой бегал курить. Сказал, что идет к банкомату на первый этаж, а сам смолил на лестнице – меня не обманешь, я табачище за километр чую.

Аленушка вздохнула, приподняла карандаш:

– Лариса Петровна, зачем это записывать? У нас же не концлагерь, у нас стационар повышенной комфортности! Подумаешь, покурил человек! Большая беда!

– Ты, Трофимова, кто – адвокат или медик? – Крыса Лариса шумно фыркнула. – Или ты не знаешь, что у курильщиков послеоперационная реабилитация проходит с осложнениями, и именно поэтому, а не потому, что у нас тут концлагерь, пациентов настоятельно просят отказаться от курения как минимум за неделю до операции! А Евлагину этому сто лет в обед, и завтра на стол!

Уличенная в непрофессионализме, медсестра Трофимова пристыженно покраснела.

– Так что фиксируй, Евлагина! – не смягчилась Крыса Лариса. – Он, сдаётся мне, курильщик завзятый, не ровен час – ещё и ночью дымом дышать побежит, так ты смотри, не пропусти его!

– Хорошо.

Аленушка снова вздохнула и записала обоснованный донос на Евлагина.

– Так, ещё что?

Крыса Лариса шумно поскребла крепким ногтем костлявый подбородок.

– Молодежь из второй и пятой целый день резалась в карты. Так и ходили друг к другу в гости: с утра мальчики к девочкам в пятую, после обеда девочки к мальчикам во вторую. Спиртное вроде не пили, я бы заметила, но пакеты из «Мак-Доналдса» им посыльный привез, и музыку ребятки крутили, как на дискотеке.

– Ну, Лариса Петровна! Это-то тут при чем?! – Аленушка не выдержала и встала на защиту «ребятков».

Они и по возрасту, и по духу были ей ближе, чем старый курильщик Евлагин.

– А при том, моя милая, что есть верная народная примета: если мальчики и девочки начали крутить музыку, значит, скоро они станут крутить любовь! – убежденно заявила Лариса Петровна. – А вот этого мы в нашем, как ты говоришь, концлагере допустить никак не должны. Так что следи за ночными перемещениями несовершеннолетних пациентов в оба глаза.

– Ладно! Только я не говорила, что у нас тут концлагерь! Наоборот!

Аленушка почувствовала, что начинает злиться. С Крысы Ларисы станется пойти к главному врачу и сказать тому что-нибудь вроде: «Запишите, Олег Иванович: Трофимова считает, что наша элитная клиника – это концлагерь, а мы с вами фашисты и гестаповцы...» И все тогда, аллес капут карьерному росту медсестры Трофимовой.

– Теперь все? – уже откровенно нервничая, Аленушка с нажимом подчеркнула последнюю запись и нарисовала после нее большой вопросительный знак.

Почему-то он вышел похожим на выгнувшуюся кобру.

– Нет, не все!

Крыса Лариса со скрежетом придвинула себе стул и опустилась на него с таким торжествующе-заговорщицким видом, что сразу стало ясно: до сих пор были цветочки, а вот теперь начнутся ягодки. Ядовитые, как та самая кобра!

– Сдаётся мне, у нас завелся сексуальный маньяк!

– Ну, приехали!

Это было уже слишком. Аленушка демонстративно положила карандаш и отодвинула от себя журнал. Правду говорят, что у старых дев рано или поздно возникают сдвиги на половой почве. Сексуальный маньяк в офтальмологии, надо же такое придумать!

– Он тайно наблюдал за нашими пациентами в пикантный момент надевания ими одно-разовых бахил? – съехидничала Аленушка. – Или, не дай бог, смотрел, как закатывает рукава своего рабочего халата старушка уборщица? Или даже... Страшно подумать... Неужели он подглядывал за беззащитными близорукими, которые доверчиво снимали очки?!

– А ты не юродствуй, Трофимова, – нисколько не смутилась Крыса Лариса. – Ты приметы фиксируй... Ладно, можешь пока не записывать. Просто так запоминай: мужчина средних лет, ростом под метр семьдесят, телосложения плотного...

– Упитанный, но невоспитанный, – продолжая язвить, тихо пробормотала Аленушка.

– Лицо славянского типа...

– Это как?

– Очень просто: подбородок мясистый и складчатый, как болгарский перец, нос как белорусская картошка, и вся морда гладкая, аж блестит, будто ее украинским салом намазали! – не затруднилась с объяснением Крыса Лариса. – А одет он был в спортивный костюм олимпийской команды.

– Российской? – догадалась Аленушка, логично дорисовав портрет лица и тела славянской национальности.

– Ты тоже его видела? Где? Когда?!

Крыса Лариса завертела головой, чиркая острым взглядом по стенам коридора.

Сама дневная дежурная, как выяснилось из дальнейшего разговора, впервые заметила славяноликого олимпийца, когда он колом выкатился из лифта и с неподобающей резвостью попер по коридору мимо поста. Олимпиец дышал, как марафонец, и, вероятно, за собственным тяжким сопением не расслышал адресованный ему призыв остановиться, хотя Лариса Ивановна профессионально озвучила его таким голосом, что любому стало бы понятно: сразу после «Стой!» запросто может последовать «Стрелять буду!».

– Гр-р-ражданин в спортивном костюмчике! – распрямившись в своем окопчике, как гранатометчик перед броском, взывала Крыса Лариса голосом сирены – не той, которая соблазняла древнегреческих мореплавателей, а служащей сигналом оповещения гражданской обороны. – Да вы еще и в кроссовочках?! А ну-ка, вернитесь! Посетителям сюда можно только в одноразовых бахилах!

Запоздало оценив воинственный тон и настрой дежурной, нарушитель благоразумно сдался и был успешно выдворен из отделения. Однако очень скоро он вернулся – уже упаковав свои щегольские кроссовки в казенный синий полиэтилен.

Этот важный момент Крыса Лариса, увы, пропустила. Очевидно, на сей раз нарушитель проник в отделение через остекленные двери, ведущие на лестницу – не иначе, дождался там, пока строгая дежурная отлучится «на минуточку».

Так что во второй раз Лариса Петровна увидела его уже не на передовом рубеже, а в глубоким тылу стационара. Гражданин в спортивном костюмчике метался по отделению, поочередно распахивая двери палат и подолгу засматриваясь в них с непонятным и подозрительным интересом.

Опытная дежурная быстро уловила в якобы хаотическом движении гражданина стройную систему: он заглядывал исключительно в женские палаты!

– То есть он маньяк со здоровой сексуальной ориентацией? – сострила по этому поводу медсестрица Аленушка.

– Маньяк никак не может быть здоровым! – с апломбом возразила ей Лариса Петровна. – Он только прикидывается нормальным человеком, а сам все время ищет возможность поманьячить. Этот вот самый гад увидел, как санитарка везет по коридору каталку с прооперированной больной, и прямо кинулся помогать – можно подумать, настоящий брат милосердия! Санитарка-то от помощи не отказалась, она же не тяжеловес, а такому здоровому мужику переложить с каталки на кровать хрупкую женщину – как раз плюнуть...

– И переложил?

Сюжет обретал остроту. Аленушка против воли заинтересовалась.

– Переложить-то переложил, да только еще и облапал бедняжку совершенно неприлично!

– Да ладно?!

Аленушка округлила глаза.

– Не веришь мне – спроси санитарку, это Нина Тополева была, она тоже видела все это безобразие! – Целомудренная Лариса Петровна сокрушенно покачала головой. – А потом, ты только представь: мы с Нинкой этого маньяка в четыре руки из палаты взащей выталкивали, а он упирался, никак не хотел уходить!

– Это из какой же палаты? – Аленушка по собственной инициативе потянулась к карандашу и журналу.

– Из третьей, где у нас красавицы лежат.

«Красавицами» персонал стационарного отделения офтальмологической клиники по сложившейся традиции называл всех без разбору «непрофильных» пациенток пластического хирурга.

Красавицы и сексуальный маньяк – это как-то сочеталось. Ночная дежурная медсестра Трофимова отбросила скепсис и вкратце законспектировала в своей рабочей тетради поступившее предупреждение о маньяке.

Предстоящая ночь обещала быть нескудной... И обещание это сдержала вполне. Хотя Аленушка добросовестно попыталась обезопасить свое дежурство от сюрпризов и перед отбоем заглянула и к девочкам в пятую палату, и к мальчикам во вторую, и к Евлагину в восьмую.

Все были на месте.

Евлагин с азартом претендента на место в команде телевизионных знатоков разгадывал кроссворд, мальчики увлеченно читали книжки, а девочки сосредоточенно намазывали на свежие розовые мордашки черно-зеленую косметическую грязь. Аленушка расценила последнее как верный признак того, что никаких гостей девицы сегодня уже не ждут, и с чистой совестью и спокойным сердцем вернулась на свой сторожевой пост на развилке трех дорог – к лифту, на лестницу и в коридор стационара.

Ровно в десять ноль-ноль внутреннее радио клиники прекратило терзать слух пациентов нескончаемым концертом Рахманинова, проиграло премилую бессловесную колыбельную и твердокаменным голосом заслуженной воспитательницы детского сада пожелало всем спокойной ночи. Затем трансляция прекратилась, чтобы возобновиться в семь утра, и во всех палатах погас верхний свет.

Дежурная медсестра Трофимова проследовала к электрораспределительному щиту, расположенному в глухом закутке за раскидистым фикусом, и щелкнула тумблером, погасив лампы на потолке коридора. Теперь его освещали только редкие точечные светильники вдоль плинтусов и настольная лампа на столе дежурной.

– А, ч-ч-черт! – плачущим голосом воскликнула моя соседка по палате, и сразу же что-то звякнуло.

– Что? Что случилось?! – спросила я с искренним интересом.

Обычно я даже новости по телевизору не смотрю, а тут вдруг поймала себя на том, что меня удивительно живо волнуют даже самые незначительные события, происходящие в окружающем мире.

Состоявшаяся операция уже принесла определенные плоды в виде знаний, которыми я прежде не располагала. Например, оказалось, что временная слепота – это крайне мучительный недуг, наиболее серьезным осложнением которого для меня лично стало неутолимое любопытство. Совершенно, знаете ли, невозможно сунуть нос хоть в свои дела, хоть в чужие, если по зоркости существенно уступаешь пожилому кроту!

– Я вилку уронила! – пожаловалась соседка.

Это означало, что она все-таки нашла на столе поднос с ужином, о существовании которого мы уже догадались по витающим в палате типичным столовским запахам. Минутой

раньше моя находчивая соседка отыскала собственно стол – удачно стукнувшись о его острый угол.

– А что на ужин?

– Кажется, котлета с картофельным пюре.

Я спустила с кровати ноги, вытянула вперед руки и осторожно пошла на голос соседки, поводя в воздухе ладошками, чтобы не вступить в излишне плотный контакт с каким-нибудь твердым предметом. Все, что мельче платяного шкафа, практически не имело шансов пробиться сквозь туманную пелену в моих очках.

Несколько часов назад я волновалась о суетном, беспокоилась, какой я явлюсь свету после операции блефпроластики, а надо было думать о том, каким я сама увижу этот мир! Ни-ка-ким!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.